

5. Турчин В.А. Информационно-сетевая культура в профессионализации современных библиотечных специалистов: Дис. канд. пед. наук : 05.25.03. Краснодар, 2002. 174 с.

6. Шестопалова О.А. Сетевая культура старшеклассников и профильные курсы информатики // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2011. № 11. С. 249-252.

SPECIFICITY OF NETWORK CULTURE OF THE DIGITAL SOCIETY

G.L. Shamatonova

P.G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia

gshamatonova@mail.ru

Abstract. The article deals with the notion of "network culture" as part of the information culture. The specificity of this concept is studied, foreign experience of researching the network culture is given. The necessity of forming a network culture, including that of university students, is indicated.

Keywords: network culture, digital society, information culture, network community

ГРНТИ 11.07.75

ПОЙМАЙ МЕНЯ, ЕСЛИ СМОЖЕШЬ, ИЛИ ВЫЗОВЫ УПРАВЛЯЕМОСТИ В ПОСТ-СЕТЕВОМ ОБЩЕСТВЕ*

А.С. Шерстобитов

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

a.sherstobitov@spbu.ru

Аннотация. Статья посвящена постановке вопроса о проблемах управляемости, возникающих в связи с развитием технологий и трансформациями публичного пространства. Автор фокусируется на характеристиках новой общественной организации, которую называет пост-сетевой и рассматривает ключевые аспекты управляемости. В результате предложены гипотезы о том, как технологии блокчейн и развитие криптовалют влияют на управляемость в контексте публичной политики современных государств.

Ключевые слова: блокчейн, управляемость, сетевое управление, пост-сетевое общество, децентрализация

Сегодня всё чаще в публичном дискурсе используются такие термины, как блокчейн и криптовалюты. Более того, вокруг этих понятий разворачивается серьезная дискуссия, которая касается не только экономических аспектов, но и проблематики публичной политики. Уже опубликованные работы, посвященные онтологическим вопросам технологии блокчейн, постулируют идею перехода от структурно-институционализированной архитектуры управления, которая совмещает иерархии и сети, к процессуальной, которая основана на децентрализованном сотрудничестве и со-производстве знаний, решений и политики в целом [1].

Технологический прогресс и развитие новых инструментов, таких как распределённые регистры, дают не только новые возможности для развития цифровой экономики, но также могут быть использованы в государственном управлении и, в более широком смысле, в организации гармоничных механизмов соуправления государства, негосударственных институтов и граждан. Безусловно, это приводит и к появлению нетрадиционных вызовов, равно как и новых форматов управляемости. В связи с тем, что

эти тенденции только закрепляются в развитии общества, учеными в сфере общественных наук данная тематика разрабатываться стала так же недавно. Здесь, например, помимо упомянутой выше работы стоит отметить исследования, посвященные изучению перспектив сотрудничества и распределенного сопроизводства (co-production), которые возникают в контексте развития цифровой экономики [2, 3]. Кроме того, следует отметить очень подробный и качественный обзор технологий распределенного регистра и областей их применения, опубликованный Кембриджским центром альтернативных финансов [4]. В своем докладе авторы рассматривают ландшафт технологий блокчейн, архитектуру платформ, построенных по этому принципу, а также проблемы управления и совместимости в рамках сотрудничества нового типа. В целом, вопросы кооперации в новых условиях ожидаемо привлекают внимание ученых. Более того, в работах появляется термин алгоритмическое управление (algorhythmic governance), который подчеркивает новую природу управленческих и координационных взаимодействий [5].

Феномен управляемости (governability) тесно связан с концепцией governance, которая несмотря на свою популярность в общественных науках довольно размыта в предметном поле. Если обобщить, то в рамках данной статьи можно выделить следующие аспекты:

1. Политическое управление, под которым мы понимаем не только государственное управление (public administration), но и в более широком смысле управление процессами выработки и имплементации политики – public policy, public affairs [6; 7]. Ключевую роль здесь играет развитие сетей публичной политики, которые возникают в связи с аллокацией ресурсов, ростом влияния негосударственных акторов на процессы выработки решений и, как следствие, снижением роли государства в качестве ключевого актора политики. В этом контексте разработана концепция «координационного государства», основная идея которой заключается в том, что органы власти в новых условиях, хоть и сохраняют центральную роль в процессах выработки и имплементации политики, но всё больше выполняют функцию координации сетевых взаимодействий [8, 9, 10].

2. Корпоративное управление, включающее не только внутренние менеджериальные процессы, но и управление внешней средой, взаимодействие со стейкхолдерами, реализация рыночных стратегий и т.д. [11; 12].

3. Сетевое и межорганизационное соуправление [13]. М. Кастельс назвал современное общество сетевым, но сегодня появляются работы, наводящие на мысль, что в результате четвертой промышленной революции [14] общественная реальность становится «постсетевой». Безусловно, горизонтальные связи продолжают доминировать, но они становятся менее устойчивыми. Отношения становятся дискретными во времени, причем период их существования стремительно снижается. Зачем капитализировать свои социальные или институциональные связи, если современные технологии позволяют их очень быстро устанавливать? Кроме того, есть предел перенасыщения связей, так как ни индивидам, ни институтам невозможно одинаково эффективно поддерживать большое количество отношений. Вызовы управляемости в этом аспекте носят не субъектный характер, как в случае с политическим управлением, где вызовы стоят перед государством, а скорее относятся к управляемости общества, как самоорганизующейся системы.

Во-первых, количество акторов, участвующих в общественных процессах, непрерывно растет и, следовательно, число информационных потоков и взаимодействий становится критическим. Таким образом, усложняются и восприятие реальности, и процессы выработки политико-управленческих решений. Решения принимают люди, которые в условиях многообразия информации, лоббистских усилий групп интересов, сложности описания объектов управления и, следовательно, прогнозирования, могут принимать не самые эффективные решения.

Во-вторых, в результате сетевых согласований приоритетными становятся наиболее взвешенные решения, устраивающие большинство акторов, но «взвешенные» не равно «эффективные».

В-третьих, рост числа влиятельных акторов и усложнение связей приводят к тому, что координация, основанная на использовании инструментов контроля, регламентации и ограничения, становится чересчур громоздкой и ресурсоёмкой. То есть необходимы новые инструменты координации, которые смогут охватывать всё многообразие акторов и связей, но при этом не влиять негативно на реализацию проактивных стратегий и быстрой реакции на возникающие проблемы.

В-четвертых, одним из ответов на возникшую сложность стало использование современных технологий, например, краудсорсинга. Однако технологичность тоже сопровождается некоторыми ограничениями: возможностью манипуляций, спекуляциями. В этом контексте, по мнению исследователей и криптопредпринимателей, использование технологий блокчейн призвано разрешить данные противоречия.

В-пятых, характер сетевого политического управления неразрывно связан с особенностями политико-административного режима. Таким образом, например, в условиях открытого делиберативного демократического режима сети могут быть (равно как могут и не быть) неустойчивыми и требующими время на консолидацию или реконфигурацию в результате смены элиты после выборов, где инкубенты проигрывают. В случае же авторитарного режима сети становятся корпоративистскими, что, конечно, делает сами сети управляемыми, но снижает управляемость в макроэкономическом смысле.

Еще одна проблема, на наш взгляд, вызвана тем, что общество, накопившее «критическую массу» ресурсов, знания, социального капитала, а также обладающее современными технологиями всё сильнее дистанцируется от государства. Это обусловлено тем, что государство не так эффективно может решать некоторые проблемы, которые с успехом разрешают самоорганизующиеся сети. Кроме того, резко снижается доверие к властным институтам, которые, по мнению многих негосударственных акторов и граждан, чересчур громоздки, бюрократизированы и коррумпированы. Причем относится это ко всем государствам независимо от политического режима. Наконец, постоянно появляются технологии, которые уже «уберизируют» сферу услуг и дают возможности для развития экономики совместного пользования, постепенно влияют и на производство, которое все менее будет привязано к определенному месту.

На наш взгляд, технологии блокчейн выступают катализатором общественных трансформаций в сторону пост-сетевого принципа организации публичных отношений. Например, развитие криптотехнологий и выпуск новых финансовых инструментов, основанных на блокчейн, привело к тому, что государство оказалось на пороге новой экономической реальности, которая ставит перед государством нетрадиционные вызовы управляемости. Интересно, что даже беглый взгляд на действия органов власти в отношении возникающих криптовалют, показывает, что имеют место различные подходы: от запрещения до активного включения в процессы их создания и оборота.

Если конкретизировать, то рынок криптовалют хоть и находится только на стадии своего становления, уже формирует множество рисков, которые могут представлять опасность, как для государства, так и для общества в целом.

Во-первых, нарушается монополия государства на эмиссию денежных средств и контроль за их оборотом. С одной стороны, мы рассматриваем развитие криптовалют как стратегию общества по построению независимой от государства финансовой системы. С другой стороны, даже прозрачность транзакций, которая может быть обеспечена технологией блокчейн, лишает государства эксклюзивного права на надзор за финансовой деятельностью экономических агентов.

Во-вторых, государство, не контролируя финансовые инструменты, продолжает нести непрямую ответственность по финансовым рискам граждан. Новый

криптовалютный рынок является очень привлекательным для множества людей, не имеющих опыта управления высокорисковыми активами, которые могут потерять свои сбережения. Государство же, в свою очередь, не может отследить или вернуть потерянные активы. Более того, на него ложится бремя социальной поддержки этих граждан.

В-третьих, криптовалюты могут использоваться криминальными структурами. Анонимность транзакций, которые неподконтрольны любым регуляторам, создает возможность для использования криптовалют для покупки оружия, наркоторговли или работоторговли.

В-четвертых, на данный момент существуют большие сложности с установлением налоговых выплат с криптоактивов, как юридических, так и физических лиц. Государства только начинают разрабатывать и прописывать порядок налогообложения.

** Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-00705 "Объяснительный потенциал сетевой теории в политических исследованиях: методологический синтез как аналитическая стратегия"*

Литература.

1. Velasco, P. R. 2017. Computing ledgers and the political ontology of the blockchain. *Metaphilosophy*, 48(5), 712-726
2. Pazaitis, A., Kostakis, V., & Bauwens, M. 2017. Digital economy and the rise of open cooperativism: The case of the enspiral network. *Transfer*, 23(2), 177-192
3. Taylor C. Nelms et al. 2017. Social Payments: Innovation, Trust, Bitcoin, and the Sharing Economy. *Theory, Culture & Society* 0(0) 1–21
4. Garrick Hileman & Michel Rauchs. 2017. *Global Blockchain Benchmarking Study*
5. Danaher, J. et al 2017. Algorithmic governance: Developing a research agenda through the power of collective intelligence. *Big Data & Society*, 4(2)
6. Rhodes, R.A.W., 1996. The New Governance: Governing without Government. *Political Studies*, 44(4), pp. 652-667
7. Van Kersbergen, K. & Van Waarden, F. 2004. 'Governance' as a bridge between disciplines: Cross-disciplinary inspiration regarding shifts in governance and problems of governability, accountability and legitimacy. *European Journal of Political Research*, vol. 43, no. 2, pp. 143-171
8. Сморгунов Л.В. В поисках управляемости: трансформация теории публичного управления в XXI веке // Вестник СПбГУ. Серия 6. Вып. 4. 2011
9. Шерстобитов А.С. Трансформации механизмов взаимодействия государственных и негосударственных акторов в процессе перехода к координационному государству // Вестник СПбГУ. Серия 6. Вып. 4. 2011
10. Кузнецов Н.В., Кулакова Т.А. Координационные стратегии современного государства в условиях неопределенности // Конфликтология. № 4. 2013
11. Aguilera, R.V. & Jackson, G. 2003, The cross-national diversity of corporate governance: Dimensions and determinants. *Academy of Management Review*, vol. 28, no. 3, pp. 447-465
12. Bhagat, S. & Bolton, B. 2008, "Corporate governance and firm performance", *Journal of Corporate Finance*, vol. 14, no. 3, pp. 257-273
13. Börzel, T.A. 1998. Organizing Babylon - on the different conceptions of policy networks. *Public Administration*, vol. 76, no. 2, pp. 253-273
14. Schwab K. *The Fourth Industrial Revolution*. World Economic Forum, 2016

CATCH ME IF YOU CAN OR CHALLENGES TO GOVERNABILITY IN POST-NETWORK SOCIETY.

A.S. Sherstobitov
Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia
a.sherstobitov@spbu.ru

Аннотация. The paper sets the question about the challenges to governability that emerge as a result of technological progress and public sphere transformations. The author focuses on the characteristics of the new type of the organization of the society and calls it as post-networked. The key aspects of governability are discussed. Several hypotheses about correlation between emergence of blockchain and cryptocurrencies and governability in the context of the public policy in modern states are suggested in the paper.

Ключевые слова: blockchain, governability, network governance, post-network society, decentralization

ГРНТИ 06.39

СУЩНОСТЬ СИСТЕМЫ ЛИДОГЕНЕРАЦИИ НА РЫНКЕ УСЛУГ

В.В. Шмелев

Южный Федеральный Университет, Россия, Ростов-на-Дону

vladimir@shmelev.su

Аннотация. В статье лидогенерация представлена как маркетинговая тактика, реализующуюся в области поиска контактных данных потенциальных потребителей, которые могут быть заинтересованы в покупке услуг определенной фирмы, а также создание входящего потока обращений на эту услугу.

Ключевые слова: маркетинг, лидогенерация, сфера услуг, услуги, рынок услуг.

В практику отечественного бизнеса лидогенерация начала входить чуть более пяти лет назад. Подход лидогенерации в условиях цифрового общества и экономики весьма актуален, он отличается от других направлений маркетинговых усилий тем, что дает точные цифры в разрезе: затраты на рекламу, стоимость привлечения покупателя, коэффициент возврата инвестиций. Именно ясное понимание того, куда уходят бюджеты на рекламу и маркетинг и какую отдачу они приносят, дают драйвер для развития этого направления в маркетинге. Отметим, что сфера услуг требует особого подхода к исследованию рыночной проблематики. Все рыночные продукты представлены на рынке в товарной форме или в форме услуги [5, С. 15-20]. Услуга, как рыночный продукт имеет свои отличительные особенности и характеристики [3, С. 83-86]. Построение нескончаемого потока обращений в любой бизнес, залог его развития и процветания. Развитие информационных технологий и Интернета, как основополагающего медиа-канала для коммуникаций с потребителем, актуализировало использование этих технологий для привлечения заинтересованных потребителей. «Маркетинговый взгляд на проблему услуг состоит в концептуальной идее решения потребностей потребителя, фокус внимания сосредоточен на позиции индивидуума в конкретном месте и в определенных условиях» [4, С. 131-135].

Понятие «лидогенерация» (от англ. – lead generation) пришел к нам от западных маркетологов и представляет собой некую маркетинговую тактику, реализующуюся в области поиска контактных данных потенциальных потребителей, которые могут быть заинтересованы в покупке товаров или услуг определенной фирмы, а также создание входящего потока обращений на этот товар / услугу. В рамках рассматриваемой темы, речь будет идти об услуговой сфере. Так, лид (lead) — это потенциальный покупатель, который знаком с предлагаемой услугой фирмы и потенциально заинтересован в ее приобретении.